

Школа Бывальского

Пётр БЫВАЛЬСКИЙ

В 6-м номере «НО» мы начали публиковать цикл публицистических статей о школе Петра Бывальского. За этим именем скрываются ведущий научный сотрудник Института теории образования и педагогики РАО, член-корреспондент РАО Михаил Богуславский и директор НОУ «Центр Монтессори», кандидат педагогических наук Константин Сумнительный.

Старые песни о школе

Казалось бы, где-то там, в высоких кабинетах, уже отгремели битвы вокруг концепций развития образования, и усталые рыцари, беззащитно потратив отведённые государством на реформы деньги, надолго разошлись, чтобы готовиться к новым сражениям... Но нет, начало новой битвы, по сути, уже объявлено новой концепцией под громким названием «Стратегия развития Российской Федерации до 2010 года», подготовленной Центром стратегических разработок при администрации Президента РФ.

Документ в разделе «Образование» в очередной раз проливает бальзам на изболевшуюся душу учителя, потому что предполагает: **увеличить заработную плату преподавателей до уровня, привлекающего в образование высококвалифицированные кадры.**

Кто же подразумевается под такими кадрами? Может быть, это учёные? Всякие физики-ядерщики или литературоведы, которые сейчас за счастье почитают эмигрировать в развитые и развивающиеся страны, или безработные инженеры? И как же быть с упрямыми фактами? А они говорят, что разрекламированное повышение зарплаты учителей, отданное регионам, без всякой перспективы на спасение увязло в местных болотах.

Да и второй пункт о **«формировании современной информационной базы образования»**, похоже, тоже не о нашей много-страдальной школе. Потому что иначе встаёт простенький вопрос: «А деньги где?»

Недолгая история развития управлением образования «по-новому», «по-современному» учит нас: чтобы по щучьему велению получить хотя бы то, что заложено в бюджете, да ещё и вовремя, Емеля должен въезжать в Минфин не на печке, а на танке и желательнее не на одном. Что же должно случиться, чтобы **«базовые инвестиции в образование»** были проведены в 2001–2005 годах?

Оказывается, концепция предполагает **«организационные и экономические реформы»**. Дальше следует перечисление этих прекрасных мер. Если внимательный читатель ждёт откровений, то это напрасно. Ничего нового не придумано. Чего стоит, например, предложение вернуться к системе образовательных ваучеров. Даже сейчас, когда деньги ещё «не следуют за учеником», наполняемость классов достигает сорока детей. Что же случится, когда за каждого ребёнка государство будет приплачивать? Станут доводить классы до 50–60 или 150 учеников и вести занятия в актовом зале?

И эта идея в логике происходящего. Если детей чуть ли не с трёх лет уже готовы засадить за парты, то почему бы в школах не соорудить вузовские аудитории и, спаривая занятия, превратить их в лекции? Глядишь, и вузы не понадобятся, и удастся сэкономить на образовании. Такой абсурд лезет в голову потому, что не видно реального механизма перехода от сметного финансирования образования к контрактному и инвестиционному, что предполагает концепция. Впрочем, не очень понятно, кто будет отваливать эти самые аппетитные кусочки по предъявлению собранных ваучеров и какая часть средств будет увязать в лапках раздающего. Непонятно, кто и как будет рассчитывать стоимость одного гуляющего по школам ученика?

Вопросов больше, чем ответов. Зная нашу действительность, рискую предположить, что

довольно скоро число учащихся и их ваучеров (если они действительно будут чего-то стоить) превысит количество жителей России.

По поводу инвестиций тоже много забавного. Похоже, что авторы проекта видят двух инвесторов — местные бюджеты и родителей. Как победно местные власти провалили 20-процентное повышение зарплаты учителей, напоминать даже уже неприлично. Но это даёт основание предположить, как от их неусыпного внимания «расцветёт» образование! Какие «гигантские» средства будут в него инвестированы! Второй инвестор — родители — и сейчас выкладываются на все сто. Если есть деньги, то отдают своё чадо в частную школу, а если денег нет, то в ту, что во дворе. На родительских собраниях они, потупив глаза, выслушивают пространные рассказы учителя о нуждах школы и со вздохом выворачивают карманы.

Складывается впечатление, что авторы концепции живут и учат своих детей в какой-то другой стране. В этом контексте настораживающе звучит и положение о сближении государственной и негосударственной школы. О чём, собственно, речь? Сегодня негосударственная школа выигрывает прежде всего более высокой степенью внимания к индивидуальным особенностям развития ребёнка, возможностью привлечь лучшие учительские кадры и наполнить программу обучения нужными заказчику предметами, но при этом никак не финансируется. Государственная школа подчас имеет более приспособленную для обучения материальную базу и некоторое бюджетное финансирование, но, беря каждый дополнительный рубль, вынуждена оглядываться и ждать начальственного окрика по поводу недопустимости «поборов». В развитых странах вышеназванный принцип предполагает, что государство частично финансирует частные образовательные учреждения, а у нас может означать, что перестанет финансировать и государственные. Предпосылки к этому содержатся в экономической части концепции. Они кажутся вполне оправданными на фоне уверенности авторов концепции в том, что к 2010 году в платных гимназиях будут учиться 20% школьников и родители смогут оплачивать 50% стоимости обучения.

Похоже, ничему не научил авторов концепции многолетний опыт борьбы вокруг федерального образовательного стандарта. Сколько его ни разрабатывали, как над ним ни мучились, а выходит всё тот же кривенький да косенький уродец, признанный опасным для неокрепших детских душ ещё в 1994 году. Смущает то, что практическая польза или вред от стандарта да и от Единого национального экзамена будут зависеть от того, какая из групп, ведущих сегодня борьбу за близость к новой-старой власти, победит. Если всё же сохранится сложившийся статус-кво, то зачем вообще вся эта концепция и какому очередному коту под хвост она уйдёт? И не получится ли, что сама идея стандартов и Единого экзамена похоронит под собой все попытки гуманизации школы? К сожалению, даже самое разумное предложение об освобождении инвестиций на образование от налога на прибыль на практике может обернуться просто ещё одной формой отмывания денег.

С другой стороны, у обсуждаемой концепции, да и у всей программы Центра стратегических разработок, мало шансов на реализацию. Вот уже и премьер заявил, что это только одна из программ, которая будет рассмотрена правительством. Процесс, возможно, и пошёл, но до его завершения либо ишак сдохнет, либо падишах помрёт.

Двенадцатый вал

Мы вечно бросаемся из крайности в крайность. То упорно твердим, что наше образование лучшее в мире, то в порыве самобичевания не менее упорно пытаемся скопировать западную модель как якобы самую передовую. Последний рывок к западной цивилизации — это принятая на Всероссийском совещании работников образования концепция введения 12-летнего образования. Её сторонники утверждают, что переход позволит разгрузить либо младшую школу, из которой более пятидесяти процентов детей выходят неподготовленными к обучению в средней, или увеличить срок сидения старшеклассников и таким образом «размазать» их учебную нагрузку. Говорят и о возможности разгрузить преподавателей, «растянув» уже существующие программы. А главное — спасти сотни тысяч учителей от ужаса грядущей

массовой безработицы. Послушать их, так в этом переходе одни плюсы. Опять-таки ближе к Европе или хотя бы к Беларуси, где подрастающее поколение учится по двенадцать лет. Словом, о нас в очередной раз позаботились, правда, привычно забыв спросить, нужна ли нам такая забота.

На первый взгляд продление сроков обучения кажется позаимствованным из театра абсурда. Судите сами. Живёт многодетная семья — десять детишек. Государственной помощи хватает только на самое необходимое. Бедствуют, в общем. А им предлагают — возьмите при тех же средствах ещё двоих и вам сразу вдруг станет лучше. Действительно, в городах школы перегружены, занимаются в две-три смены. А предлагается добавить ещё по пять-шесть классов. Сохраняется острая нехватка учебников, в лучшем случае они имеются по одному на двоих. Выход же из этого положения авторам концепции видится в том, чтобы ввести ещё два года обучения и таким образом усугубить проблему с учебниками. И так во всём! Закрадывается мысль: неужели всё, что настолько ясно мне, педагогу, не ясно тёртым калачам из властных структур?

А может быть, здесь-то и «зарыта собака». Вспомнилось, что, когда в стране становилось действительно трудно, доверчивых граждан предусмотрительно отвлекали от проблем какими-то грандиозными проектами: то великими перелётами, то планом переустройства природы, то поворотом северных рек, то строительством БАМа. Но независимо от конкретного замысла итог был всегда один — миллионы пущенных на ветер народных рублей, погубленные жизни, искалеченные судьбы. Неужели история учит только одному — что она никого и ничему не учит? Сколько же можно наступать на одни и те же грабли? «Столько, сколько нужно», — отвечают нам. И заводят сладкую песнь о том, что перегрузки школ не будет, поскольку резко падает рождаемость. Да и в армию не будут призывать сразу после окончания школы, не дав возможности поступить в институт, — намекают, что, мол, изменят законодательство. Но это всё — в радужной перспективе. Конечно, руководители Министерства обороны не против того, чтобы призывать юношей в армию с 19 лет. Но ведь они прекрасно понимают и другое — при такой перспективе есть риск не обеспечить призыва вообще.

Впрочем, возможно, я не прав и концепция в самом деле замечательная. Чтобы это понять, достаточно ответить на один простой вопрос: а кому это выгодно? Давайте посмотрим, что от реализации этого грандиозного замысла получают благодетельствованные дети, их родители и учителя.

Начнём с детей. Наконец-то мы признали, что наши программы перегружены, и само это признание — уже достижение, но ведь дальше возможны две логики рассуждений. Одна (сторонников двенадцатилетнего образования) потребует ещё растянуть эту программу; вторая — без увеличения времени обучения — изменить содержание образования, исключив из него самое трудноперевариваемое. Тем более что степень насыщенности программы уже сегодня можно выбирать и варьировать, отдавая ребёнка в различные гимназии и лицеи. В этих заведениях для обучающихся детей страшна не трудность программы, а методика преподавания, оставшаяся во многом на уровне прошлого века. Мне приходилось слышать немало грустных историй о том, как дети попадали в престижную гимназию, выполнив предъявленные к ним запредельные требования по скорости чтения и счёта, а потом их опять долго и нудно учили читать и считать в соответствии с программой, которую они давно переросли.

Сегодня наша система образования напоминает плохо продуманный конструктор, из деталей которого никак не удаётся собрать представленный на картинке образец. Она гремит на всех стыках, и непонятно, как увеличение продолжительности образования поможет решить эту проблему. Зато наверняка увеличится и без того большое количество детей (до 80%), которым школа непоправимо испортила здоровье.

«Выгоды» для родителей от введения новшества очевидны. Им придётся позже начинать разоряться на репетиторов. Родителям девочек также отсрочиваются траты на приданое. Если же параллельно увеличению срока отсидки в школе ввести запрет на работу учащихся, то родители смогут на год дольше с благоговением держать великовозрастных детишек на своей шее. Неоценимая помощь при этом будет оказана и государству, которое таким образом

уменьшит статистику безработицы среди молодёжи. И, как все надеются, снизится преступность несовершеннолетних.

Но больше всех «выигрывают» от реформы учителя. Их «разгружают». Если уменьшится количество уроков, то у них останется больше времени на работу в тех сферах, где ещё платят деньги, или они займутся домашним хозяйством.

Самое неприятное, что на реформу потребуются деньги. А, как известно, ещё великий Михайло Васильевич Ломоносов открыл не дававший пока осечки закон. Он гласит, что если где-то что-то прибудет, то откуда-то обязательно убудет. Таким образом, прибывание денег на преобразования может обернуться их испарением из учительских карманов. Тогда уж предлагай учителям взять больше часов или приглашай в классы выпускников педагогических университетов — всё равно число желающих работать задарма будет уменьшаться.

Если же мы попробуем представить, куда могут уйти направленные на реформу деньги, то, скорее всего, поймём, кто в конце концов заинтересован во всех этих преобразованиях.

Кого же так любят авторы концепции 12-летнего образования? Понятно, что немалая часть денег уйдёт на разработку новых программ, часть — на разработку новых учебников, но львиная доля, конечно, будет передана на их издание. Возможно, что вся реформа ограничится лишь перераспределением страниц в учебниках соответствующих классов, но эти пособия **надо будет кому-то печатать**. Таких крупных издателей, давних партнёров чиновников от образования, два-три, и, думаю, нет смысла в очередной раз называть их. Отмечу лишь, что эти частные фирмы получают самый лакомый кусок от федерального пирога, из которого будет финансироваться проект. Стоит ли из-за этого затевать весь сыр-бор?

Я убеждён, что как нельзя строить высокоскоростную магистраль между Москвой и Петербургом, не наведя порядок на Октябрьской железной дороге, так нельзя построить и заманчиво красивую, дорогую школу будущего, пока в тысячах современных школ текут крыши и мёрзнут ученики.

Двенадцатый вал реформы, пусть и отложенный на 2007 год, может окончательно добить нашу многострадальную систему образования.